

Ю. А. Засорина

Студент-магистрант Санкт-Петербургского педагогического университета им. А. И. Герцена, лауреат Всероссийского конкурса молодых ученых в области культуры и искусства по направлению «Теория и история искусства»

История термина «сакральность»: уточнение смысла

Статья касается актуальной темы понимания «сакрального» и «священного» в поле Православной религиозной практики сего дня и в исторических культурно-религиозных реалиях. Автору представляется, что произвольное использование терминов «сакральный» и «священный», их метафорическое и поэтическое применение не совместимо с научной и исследовательской точностью, что приводит к расшатыванию и размыванию этих понятий.

Ключевые слова: сакральность, священное, профанное, вербальное, образ, десакрализация, метафорическое, иносказательное.

Проблема употребления понятия «**сакральность**» стоит очень остро в современном научном мире. Часто этот термин имеет расширенное значение, то есть «**сакральность**» может быть атрибутом не только любой религии, культа или действия, но и используется в качестве обозначения какого-либо предмета, значимого места. Однако такое бессмысленное (профанное) использование данного слова не только не дает полной картины описываемого, но и не способствует глубокому пониманию предмета – десакрализует его. Так же возникает путаница в терминах **сакральное** = **священное**. **Священный** – преисполненный особой духовной благодати высшего порядка, то есть обладающий безусловной благодатью объективного свойства.

В данной статье особое внимание будет уделено христианской сакральности и ее значению в современной истории искусства. Интеллектуальное осмысление этих терминов должно быть доступно не только носителям конкретных религии и культа, то есть содержание термина лишено личного проживания, достаточно четко укладывается в умственные категории с

адекватным его пониманием для любого исследователя.

Предыстория «**сакрального**». Словарь Культурологии XXвека: «**Сакральное** – от лат. «посвященное богам», «священное», «запретное», «проклятое». В латинском языке – *sacer*, древнееврейский – *qadosh* связаны со значением отделенности, сокрытости, неприкосновенности...»[3]. В Древней Греции понятие **сакральное** выражалось несколькими словами, причем каждое имело свое особое значение. **Hieros** – указывало на свойства сакрализованных предметов, **hostios** – обозначало то, что считалось адекватным во взаимоотношениях между богами и людьми, **hagios** – то, что отчуждено от большинства людей. Таким образом, у греков существовала целая структура, точно означающая степень и вид сакральности того или иного явления, предмета, места и т.д. У древних римлян сложилась сложная система взаимоотношений между понятиями **сакральное** (*sacer*) и **профанное** (*sanctum*). *Sacer* – относилось к тому, что в обществе считалось принадлежащим богам и обеспечивало связь с ними. *Sanctum* же являлось противоположностью, как то, отрицание чего ве-

дет за собой «санкцию». Так, вследствие этого, народных трибунов именовали *sacrosanctus*, а их убийцы на месте, без промедлений предавались смерти. Более ранние культуры имели свои значимые образы, соответствующие «*сакральному*».

Пара рогов и двойной топор (лабрис) – сакральные символы крито-микенской культуры, примеры дохристианской сакральности. Впервые символ топора встречается в IV тыс. до н. э. в Арпатхии. В III тыс. до н. э. – в Эламе, Шумере и Трое II. На остров Крит лабрис приходит раньше, чем символ рогов. Большинство найденных двойных топоров – вотивные дары, которые никогда не использовались как орудия, так как были слишком малы или слишком велики. Часто лабрис появляется на золотых перстнях – печатях Микен, а также в вазописи. Иногда используется в качестве сакрального орнамента. Двойной топор – знак власти, в том числе, и власти убивать. Частый тип изображения – лабрис стоит на бычьем черепе между рогов. Из Микен лабрис переходит в Древнюю Грецию геометрического (гомеровского) периода. Так на некоторых вазах этого времени видны стилизованные фигуры воинов, одетых в нечто наподобие доспехов в виде двойного топора. Еще какое-то время орнамент остается сакральным, но в классический период происходит его десакрализация. Орнамент превращается в ритмичный узор, утративший символический смысл [1].

В христианскую эпоху произошло переосмысление слов, изначальных понятий, дающих понимание о сакральности. Отцами Церкви при переводе Библии (Септуагинта и Вульгата) были использованы греческие и латинские слова. Большую проблему для перевода представляли два слова – греческое *hieros* и латинское *sacer*, так как несли в себе заметный отпечаток язычества. Зато *hagios* и *sanctum* стали обретать новые значения и все чаще использоваться в качестве главных терминов.

Так слово *sacer* в Ветхом Завете употребляется только в двадцати девяти случаях и только в двух в Новом. Таким образом, уже перед Отцами Церкви стоял вопрос о правильном использовании и толко-

вании термина *сакральный*. Что касается непосредственно понятия христианской сакральности, то она формировалась не только в богословских сочинениях Святых Отцов, но и в искусстве римских катакомб. Первохристиане посредством своего искусства старались передать не только видимый мир, но и мир духовный. Для выражения своего учения они использовали языческую символику и некоторые сюжеты греко-римской мифологии. Используя лишь внешнюю форму изображения, христиане наполняли ее новым содержанием, отчего происходило изменение той самой формы [4].

Необходимо обязательно отделить метафорическое или иносказательное понятие священного и сакрального от тех мировоззренческих явлений, в которых они имеют прямой смысл. Мавзолей Ленина для коммунистов или Музей Революции именуется священными или сакральными объектами представителями того идеологического типа, который полностью отрицает святость и соответственно сакральность, как объективные качества. Все заведомо материалистические направления мысли в равной мере отрицали объективные существования реально священного со всеми его внутренними и внешними атрибутами. С этой точки зрения становится труднообъяснимым использование атеистическим материалистами чисто религиозных и даже церковных терминов для обозначения высшего уровня значимости почитаемых ими предметов и явлений. За более столетнюю историю атеистического материализма в разных формах так и не появилось адекватного термина собственного происхождения, который бы выражал высшую степень почтения к определенному типу предметов или явлений, которые можно считать наивысшим выражением или максимальным воплощением главной идеологической концепции данного учения или его реализации. В любом случае использование церковно-религиозных понятий в их метафорическом смысле по отношению к заведомо нерелигиозным предметам и явлениям означает внутреннюю неуверенность данного учения в полном от-

сутствии объективного наличия святости и сакральности не только в мировосприятии, но и в Бытии.

Поэтому никакие иносказательные, пародийные или сомнительно сходные способы употребления подобных терминов в отношении фактов, противоречащих материалистически бездуховным понятиям о мироздании, должны быть исключены. Необходимо, учитывая это, применять к особо почитаемым именам, названиям, объектам, фактам и пространственным комплексам точные и ясные определения, не выходящие за рамки их реального смысла. Даже кавычки в этом случае не уточняют значение указываемого предмета и степень его почитания. В такой ситуации использование слов «священный» и «святой» ни в коем случае неуместно, потому что в это же самое время в этом же самом пространстве есть объекты, являющиеся реально «святыми» или «сакральными». Именовывать так мавзолей Ленина, памятник Сталину, маску скорби в Воркуте вместе с Успенским собором и Троице-Сергиевой Лавры - просто кощунство. А с научной точки зрения — это профанация и любительство. Подобное употребление этих терминов, теми, кто отрицает их объективное наличие как явлений и фактов, необходимо считать абсолютно неправомерно. Потому что в любом случае «священное» и «сакральное» приобретают как минимум двусмысленное значение, главный стержень которого имеет принципиально метафорический смысл. Понятие о личности святого в Православии никак не совпадает с таким же определением народолюбца или революционера. Святой Православия в первую очередь жертвует собой, а его революционный оппонент, «тезка», кроме этого, жертвует и другими. Так, например, в книге об известном художнике Проторенессанса Джотто автор заявляет, что: «В истории изобразительного искусства Западной Европы имя Джотто стало символом обновленной живописи. Этот художник первым отказался от большинства принципов византийской иконографической традиции (которая в то время господствовала в Центральной Италии), наделяя

свои сюжеты элементами реалистичности и материальности. Именно у него живописные произведения перестали являться вспомогательным материалом к пониманию Священного Писания, каждое из них оказалось полноценным рассказом о библейском событии, в котором действуют живые люди с настоящими эмоциями.» [2] Для автора данного исследования представляется безусловным достижением изобразительного искусства переложение визуальных представлений в вербальный текст, являющийся простым дополнением к уже достаточно исчерпывающим словам самого Священного Писания. Его не интересует наличие каких-либо изобразительных неословесных свойств художественного образа. В реальности Джотто отказался от изображения духовного мира, которое к этому времени уже состоялось в системе византийской иконографической практики. Конечно же, нельзя утверждать, что сама стилистическая каноническая система иконописи содержала в себе достаточное выражение богооткровенной духовности. Но ее изобразительные принципы позволяли максимально точно и ясно выразить объективное явление веры, что при всех ограничениях чисто ремесленного и профессионального характера давало реальность их выражения.

При этом необходимо помнить, что некоторые историко-культурные явления первостепенного значения были в свое время неадекватно интерпретированы иудейскими и христианскими богословами. Так из Библии узнается, что Египет был языческим, многобожным и якобы не имел в себе истинного духовного потенциала и понятия о едином Боге. Трудно представить реально, что было естественным желанием египтян посвящать «сопутствующие» народы в глубинные смыслы своей религиозной системы. Как оказалось в результате последних исследований 20 и 21 века, подобное понимание оказалось в принципе невозможным даже для современного ученого высочайшего научного класса, который посвятил всего себя изучению этой религии. Если отказаться от расплывчатого, но глубоко ошибочного

представления о духовном мире древних египтян, то можно как минимум понять, что их сложнейшая система образной и словесной символики была способна выразить понятия, которые невозможно передать в чисто вербальном виде. Это значит, что духовная культура Египта не могла состоять из отдельных частей, частично взаимозаменяемых изобразительных и словесных.

Пример всех культур древнего востока и в особенности древнего Египта позволяет прийти к выводу, что духовный комплекс этих культурно религиозных анклавов (пространств) ни в коем случае не ограничивается содержанием письменных источников. Визуальные материализованные образы в виде мелкой пластики, скульптур и росписи, а также архитектурные формы часто говорят больше, чем текстуальный материал. Только они выражают прямо и недвусмысленно характер звучания самой сакральности и строй психологического наполнения священного явления или объекта. При попытке описать отдельные черты особо значимых священных изображений древнего Ближнего Востока возможности языка сталкиваются с непреодолимым препятствием в самых главных точках определения приоритетной конкретики данного сложного явления. «Таким

образом, каждое изображение является содержанием знания и мудрости, предметом и целостностью, не вызывая при этом толкований и рассуждений. Затем содержание выделяют из образа, облачают его в слова и находят основание, почему это так, а не иначе» [5;62] Точно тоже правило приложимо и к всему тому, что входит в понятие иконосферы, в котором собственно икона играет ведущую роль. Ее изобразительный комплекс является самодостаточным и исчерпывающим и не требует нарративного дополнения.

Библиографический список:

1. Буркерт Вальтер. Греческая религия: архаика и классика. – Спб.: Алетейя, 2004
2. Великие художники. Джотто. – М.: «Комсомольская правда», 2011
3. Культурология XX век. Энциклопедия. 1998
4. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – М.: Издательство Западно-Европейского экзархата Московский Патриархат, 1989
5. Штайнер Рудольф. Христианство как мистический факт и мистерии древности. [Пер. с нем.] – Ер. Ной, 1991. – 154 с.

©Засорина Ю. А., 2023